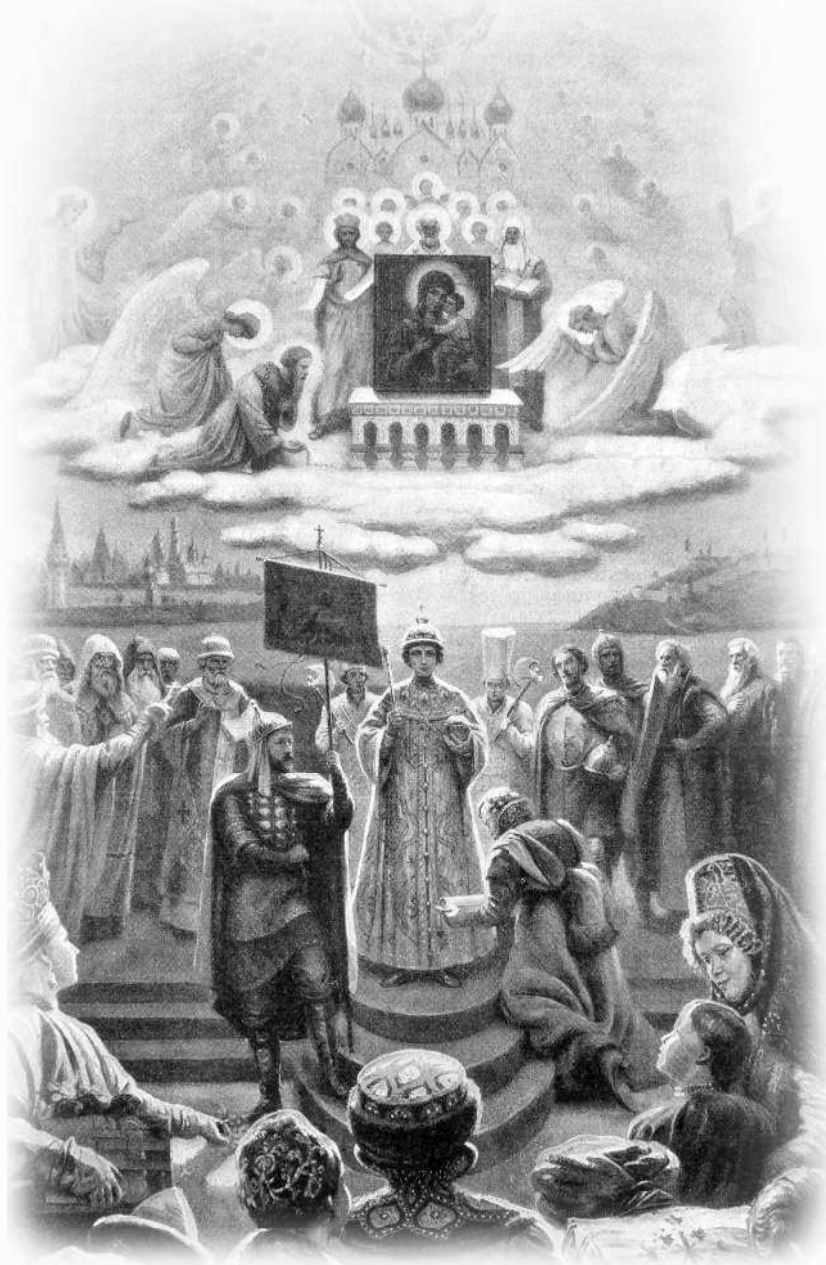

КЛАССИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Н.М. КАРАМЗИН

**ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО**

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К 21

Все права защищены.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Карамзин Николай Михайлович

К 21 История государства Российского / Н.М. Карамзин. –
Москва : Издательство АСТ, 2019. – 638 [2] с.— *(Клас-
сика истории и культуры)*.

ISBN 978-5-17-112474-8

«История государства Российского» – значительный исторический труд, произведение, ставшее крупным явлением в русской художественной прозе. Его автор, выдающийся русский писатель, историк и публицист Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). В 1803 г. указом императора Александра I Карамзин был назначен на должность историографа и до конца своей жизни занимался написанием «Истории государства Российского», ставшей главным трудом в его жизни и целым явлением в русской истории.

Перед вами оригинальное, богато проиллюстрированное издание избранного из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, охватывающее период от VI до начала XVI века. Созданный в XIX веке, этот труд по-прежнему представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ

Всемилоостивейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хваляся ревностью и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге героя Димитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! Если счастье Вашего добродетельного сердца равно Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вождеденного для народов и венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, наук, искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препят-

ствия в сем истинно царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой Вам и законом природы, и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предаёт деяния великодушных царей и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю.

Всемиловитейший Государь!
Вашего Императорского Величества
верноподданный Николай Карамзин.
Декабря 8, 1815.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродни человеку и просвещенному, и дикому! На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней героя. Первые

опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены вере и дееспособности; омраченный густой сению невежества, народ с жадностью внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая история, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить о нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков африканских. Не уди-

вительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнovidных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою¹ частью мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого нерусского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междуцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы Храбрые, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверской, столь знаменитый великодушною смертью; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха, достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный Лжедмитрий и за сонмом доблестных па-

триотов, бояр и граждан наставник трона, первосвященник Филарет с державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и царь Алексей, мудрый отец императора, коего назвала Великим Европа. Или вся новая история должна безмолвствовать, или российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотою для живописца; но история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной картине и начать обстоятельное повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для читателя. Но сии обозрения, сии картины не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново «Введение в историю Карла V», тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем историю.

Обращаюсь к труду моему. Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковес-

рия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии! Взор наш в созерцании великого пространства не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний; может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих восьми или девяти томов², могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго-долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА

Сии источники суть:

I. *Летописи*. Нестор, инок монастыря Киевопечерского, прозванный *отцом* российской истории, жил в XI веке³: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы князей; беседовал с вельможами, старцами киевскими, путешественниками, жителями иных областей российских; читал византийские хроники, записки церковные⁴ и сделался *первым* летописцем нашего отечества⁵. *Второй*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный владимирским князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушные последнего и другие современные деяния Юго-Западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новгороде, иерей, посвященный епископом Нифонтом в 1144 году; другой во Владимире-на-Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Воынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове⁶. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из летописцев иноземных согласны с ними. — Сия

почти непрерывная цепь хроник идет до государственования Алексея Михайловича⁷. Некоторые донныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно⁸. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, Пушкинский и Троицкий, XIV и XV веков⁹. Достойны также замечания *Ипатьевский*, *Хлебниковский*, *Кёнигсбергский*, *Ростовский*, *Воскресенский*, *Львовский*, *Архивский*¹⁰. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском княжении; далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, — например, *Архивскому*.

II. *Степенная книга*¹¹, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени*, или поколения государей.

III. Так называемые *Хронографы*, или «Всеобщая история по византийским летописям», с внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях¹².

IV. *Жития святых*, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях.

Многие из сих биографий сочинены в новейшие времена; некоторые, однако ж, например, Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке¹³.

V. *Особенные дееписания*: например, сказания о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о митрополите Филиппе и пр.

VI. *Разряды*, или распределение воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII. *Родословная книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, написанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII. Письменные *Каталоги митрополитов и епископов*. — Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX. *Послания святителей* к князьям, духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного¹⁴.

X. *Древние монеты, медали, надписи*¹⁵, сказки, песни, поговорки: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

XI. *Грамоты*. Древнейшая из подлинных написана около 1125 года. Архивские новгородские грамоты и *Душевные записи князей* начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть.

XII. Собрание так называемых *Статейных списков*, или *Посольских дел*, и грамот в Архиве Иностранной коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают читателю право требовать уже большей удовлетворительности от историка. — К сей нашей собственности приискупаются.

XIII. *Иностранные современные летописи*: византийские, скандинавские, немецкие, венгерские, польские, вместе с известиями путешественников.

XIV. *Государственные бумаги иностранных архивов*: всего более пользовался я выписками из Кёнигсбергского.

Вот материалы истории и предмет исторической критики!

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРЕДИСЛОВИЮ И К СТАТЬЕ «ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА»

¹ Седьмою. — Поправка историографа на собственном его экземпляре «Истории государства Российского».

² Том IX издан не прежде 1821 года. Впоследствии, как известно, вышли еще при жизни историографа, в 1824 году, тома X и XI, а по смерти его том XII. — *Прим. издателя 1842 г.*

³ В разных списках Нестора (*Пушкинском, Кёнигсбергском*) находятся слова: «к нему же (Феодосию) и аз приидох худый, и прият мя, лет ми сушу семнатцати от роженья моего». Игумен Феодосий скончался в 1014 году: итак, летописец наш родился около 1050 года. — В заглавии *Хлебниковского* списка (см. ниже) поставлено имя Нестора; в других автор назван просто черноризцем Феодосиева монастыря Печерского. Житие Нестора в печатном Патерике есть новейшее сочинение: его нет в древнем рукописном.

⁴ Вероятно, что по запискам церковным Нестор означал дни преставления некоторых древних князей.

⁵ Мы должны упомянуть о *мнимом древнейшем летописце* Иоакиме, первом новгородском епископе, приехавшем в Россию с царевною Анною, супругою Св. Владимира. Татишев рассказывает следующее: «Архимандрит Мельхиседек доставил ему как любителю древностей три тетради, полученные им от монаха Вениамина и выписанные из старой книги, с которою Вениамин сам ехал к Татишеву, но умер дорогою. В тетрадях написано, что Нестор худо знал происшествия новгородские, гораздо лучше известные Иоакиму; что Славен, внук Иафетов, по сказанию сего епископа, основал город Славянск в России; что после господствовал там князь Ванда, коего родственниками были князья Гардорик и Гунигар, завоеватели многих стран; что сыновья Вандаловы назывались Избор, Столпосвят и Владимир, женатый на Адвинде; что от Владимира произошел Буривой, отец Гостомысла, который изгнал варягов из России и построил Выборг; что Рюрик ему внук, Ольга Прекраса также родственница; что Святослав мучил христиан; что Св. Владимир крестился не в Херсоне, а в Болгарии; что его сыновья Борис и Глеб родились от царевны Анны, не *греческой* (изъясняет Татишев), а *болгарской*», и пр. См. его *Рос. Истории*, т. I, стр. 29—51.

Сию *шутку* многие приняли за истину и начали с важностию говорить о *летописце* Иоакиме. Но слова Татишева: *Вениамин монах токмо для закрытия вымыслен* (стр. 42), доказывают, что здесь дело идет о *вымысле*. Басня о князьях *Славене, Изборе* и прочих давно известна. Другие мнимые Иоакимовы сказания явно принадлежат той же категории. Слог их есть новый. Иоаким в X веке мог ли написать: *Святослав имел три сына, им же тако области раздели — Ярополк, известяся*